

Протоиерей
Александр Ильяшенко
Татьяна Шипошина

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ СЧАСТЬЕ

С акафистом
Пресвятой Богородице
перед иконой
«В родах Помощница»

Издательский Совет
Русской Православной Церкви
Москва · 2008

*По благословению
Святейшего Патриарха Московского
и всея Руси АЛЕКСИЯ II*

СЕМЬ СТУПЕНЕК ЛЮБВИ

Повесть

**Ильяшенко Александр, протоиерей
Шипошина Татьяна**

С 11 С чего начинается счастье. — М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2008. — 176 с.

«Браки совершаются на небесах»... О том, когда человеку суждено встретить свою будущую жену или мужа — знает Господь. Если между молодыми людьми есть любовь, которая, по словам нашего автора, священника Александра Ильяшенко, является «стремлением и готовностью жертвовать собой и своими интересами ради других», то семья обязательно будет счастливой.

По воле Божией рождаются дети, и Господь, пославший детей в этот мир, дает средства их прокормить и вырастить... Поэтому, когда люди исполняют волю Божию, Господь щедро вознаграждает их. Это сказывается благотворно и на них самих, и на их жизни, и на всех, кто их окружает.

Такой пример исполнения Божьей воли показывает читателю наш второй автор, православный врач и писательница Татьяна Шипошина, в повести «Семь ступенек любви» о реальной московской семье диакона, в которой семеро малышей.

© Издательский Совет Русской
Православной Церкви, 2008

© Протоиерей
Александр Ильяшенко, 2008

© Шипошина Татьяна, 2008

ПРЕДИСЛОВИЕ

Священник Михаил Немнонов

Вступая в брак, не все думают о будущих детях, но почти всем дана от Бога радостная возможность родить и воспитать их. Если супруги специально не противились этому (а порой и невзирая на то, что противились), однажды становится ясно, что у них будет ребёнок. Вернее, что у них уже есть ребёнок, который готов прийти в этот мир и стать новым членом семьи. Со временем будущая мама начинает чувствовать, как он шевелится, и однажды даёт потрогать свой живот папе. Тот от неожиданности отдергивает руку: «Здорово!» Ребёнку тесно, он изнутри упирается в живот ножками в поисках выхода. Еще несколько недель — и в семье прибавление. Первый крик. Потом первая улыбка... Вот ребёнок начинает держать голову. Вот он начинает ползать, потом ходить. Вот он что-то говорит на своем языке, а потом и на нашем. Проходит несколько лет — и вот он уже поехал без вашей помощи на велосипеде или сам что-нибудь смастерил. А тем временем вы узнаете, что скоро все должно повториться... Так устроенная жизнь. Так почти любая семья, — если, повторю, специально не противиться этому, — через несколько лет может стать многодетной.

Между тем многодетных семей не так много, а те, что есть, испытывают немало проблем.

Как ячейка общества, любая — отнюдь не только многодетная — семья отражает недостатки современного общества, как малая Церковь — изъяны нашего церковного сознания.

Всего пару веков назад проблематика семейной жизни была совершенно иной. Семьи создавались, как правило, один раз, на всю жизнь — разводов было ничтожно мало. У людей было более острое чувство ответственности как за свои поступки, так и за своих ближних — детей, супруга, супругу да и весь народ в целом. Лучше были развиты социальные навыки — умение взаимодействовать с другими людьми, терпя их недостатки. Супруги больше зависели друг от друга: и жене было не прокормить детей в одиночку, и мужу тяжело было без хозяйки. Молодые люди, вступавшие в брак, серьезнее относились к словам Спасителя: *Что Бог сочетал, человек да не разлучает* (Мф. 19, 6). Наконец, само общественное мнение располагало ко вступлению в брак и сохранению семьи в случае возможных трудностей.

Ныне более половины семей распадаются. На смену чувству ответственности пришел крайний индивидуализм и эгоизм — «не тронь меня, и я тебя не трону». Брак крайне редко воспринимается как обязательство перед другим человеком, акцент сместился на «мои» чувства. «Прости, разлюбил (или разлюбила), уйду...» Что в это время чувствует другой — его личные трудности. Человеческие отношения не воспринимаются как труд. Мы граждане потребительского общества и воспринимаем других людей именно как объектов нашего

потребления. В условиях индустриального, а тем более информационного, общества родители могут успешнее воспитывать детей в одиночку: ослабла еще одна семейная связь.

Увы, воцерковление одного или даже обоих супругов порой не решает, а углубляет проблемы. Потребительское общество привнесло немалую долю эгоизма и в церковную жизнь. «Что тут есть для меня?» — «Чем мне себя порадовать?» Вот вопросы, с которыми современный человек идет в храм. И совсем редко мы спрашиваем себя: «Что я могу в Церкви сделать?» Или: «В чём я должен себя изменить?» Ублажая себя посредством церковной жизни (данной нам Богом в общем-то для других целей), мы с большей или меньшей регулярностью ходим в храм, приступаем к таинствам, исповедуемся и общаемся с духовниками вовсе не для того, чтобы стать ближе к Богу или расстаться с грехами. В итоге «воцерковленные христиане» порой с легкостью ищут романов на стороне, имея нескольких детей и при этом рассуждая о «духовной любви». Или православные супруги попросту разъезжаются, не утруждая себя ни поиском новых романов, ни процедурой развода. Или православный папа проводит основное время в кругу семьи с бутылкой пива перед телевизором. Или православная мама носится по монастырям, бросив детей на попечение бабушек («чего я буду с мужем дома сидеть — он у меня неверующий»).

Добавим к внутрисемейным искушениям повсеместную пропаганду идеологии «делай-то-что-тебе-нравится», странное безразличие

государства к проблемам демографии и семьи, невероятную дороговизну жилья, косые взгляды на беременных со стороны других женщин, «беспокойство» родных... Что и говорить, нелегко путь современной семьи.

Митрополит Сурожский Антоний писал: «Я думаю, что в первую очередь христианская семья должна быть счастливой. Это не значит, что надо потакать друг другу во всем. Но если христианская семья представляет собой картину несчастливого сочетания двух или четырех людей, то всякий неверующий или полуверок, глядя на неё, скажет: “Ну, если это — всё, что Бог может сделать!..” Или еще хуже: “Если вторжение Бога в отношения двух людей приносит такие плоды, то лучше без Него...” И мне кажется (я говорю не о всяком счастье, не о гармонии во зле, а о серьезном отношении), что в центре семьи должна быть любовь, должна быть радость, а не постоянная мука во имя какого-то идеала, часто выдуманного»¹.

Эта книга — о семье, сумевшей преодолеть искушения нашего безбожного и эгоистичного мира. Предварю рассказ автора повторением старого, доброго правила — «Никого прежде смерти не ублажай». Героям повести, как и всем нам, ещё предстоят трудности. Пожелаем им преодолеть их так же, как они преодолели искушения первых лет своей общей жизни. Даня и Даша — реальные люди. Изменены лишь их имена и наиболее узнаваемые события из жизни людей, вместе с ними упоминаемых

¹ Митрополит Антоний Сурожский. Человек перед Богом. М.: Паломник, 2000.

автором. Вот худенькая красавица — десяти-классница Даша знакомится на вечере встречи выпускников с Даниилом — студентом второго курса. Вот Даша после пережитого стресса слышит из радиоприемника слова: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное», и спрашивает себя: «Почему я забыла об этом?» Вот через пару месяцев Даша приходит в храм, а затем приносит Дане книги из православной библиотеки. Свадьба, первая беременность, во время которой, кажется, весь мир ополчился против молодой семьи... Вот героини принимают добрый жизненный урок на тему *Не судите, да не судимы будете* (Мф. 7, 1), по-своему важный для многодетных, поскольку всегда есть искушение посмотреть на окружающих с позиции *благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди* (Лк. 18, 11). Семья растёт и в своем развитии то и дело «проходит через игольное ушко» трудностей, перед которыми трусливо отступают другие.

К концу повести у Даниила и Дарьи семь детей. Их папа — диакон — «всё так же похож на сказочного богатыря, а мама Даша — на юную Настеньку из сказки. Доверчиво глядят на мир её большие серые глаза, и коса — всё так же до пояса».

Автор знакомит нас со своей героиней, назвав ее Дарьей, что означает «побеждающая». Желая и читателям этой книги победить самих себя и искушения современного мира вместе с теми, кто им близок и дорог.

СЕМЬ СТУПЕНЕК ЛЮБВИ

Татьяна Шипошина

Уважаемый читатель! Благодарю тебя за то, что ты держишь в руках эту книгу.

Благодарю тебя, если ты молод и задумываешься о том, какой будет твоя собственная любовь, твоя собственная семья и сколько у тебя будет детей.

Благодарю тебя, если возраст твой приближается к среднему и ты уже нашёл свою любовь. Если ты давно живёшь семейной жизнью и воспитываешь своих детей.

Благодарю тебя, если возраст твой уже перевалил за половину, а может быть, приближается к закату земных лет. Ты уже испытал взлёты и падения, ты знаешь горечь невосполнимых утрат. Твои дети уже выросли и подарили тебе внуков.

Благодарю тебя, мой уважаемый читатель. Моя повесть лежит перед тобой. Мне не хотелось соврать тебе, читатель, ни единой буквой своего повествования. Мне не хотелось быть назидательной и читать тебе мораль.

Мне хотелось, чтобы моя повесть была простым рассказом верующего человека о верующих людях и чтобы в ней не было лжи и прикрас. Мы все — дети своего времени, а время наше непростое. Святые Отцы говорили о том, что даже называть себя верующим в последние времена будет равносильно подвигу.

А наши времена — какие? Последние? Или предпоследние? Может быть, для каждого из живущих именно его времена — последние? Последние — для него самого?

Как нам жить в свои личные, «последние», времена? Как нам сохранить веру, как сохранить в вере самих себя?

Мне хотелось бы назвать свою повесть «поэмой» и написать её в стихах. Мои герои — достойны стихов, честное слово. Хотя и живут они тут, рядом. Они живут в соседнем квартале, и на этой неделе я была у них в гостях. Но об этом я расскажу попозже.

А пока...

ГЛАВА 1

Дашу выписали из роддома через неделю после родов.

— Всё, собирайся! — сказала врач. — Можешь завтра идти домой. Звони мужу, пусть тебя забирает.

Даша не противилась. Все чувства в ней как будто остановились. Она даже не могла заплакать как следует. Молча сцезивала молоко и всё.

Неделю назад Даша родила двойню. Родила на пять недель раньше срока. Детей почти сразу перевели в отделение для недоношенных. Малыши родились такими тяжёлыми, что сами не могли дышать. Один из них всё ещё находился на ИВЛ (искусственной вентиляции лёгких). Другому ИВЛ сняли уже там, в отделении.

Оба ребёнка родились с поражением нервной системы. У них обнаружилась внутриутробная пневмония и много чего ещё. Даша путалась во врачебных терминах, понимая только одно — нет никакой гарантии, что дети будут жить. Мало того! Если дети и будут жить, нет никакой гарантии, что дети будут полноценными. Проще говоря — или умрут, или будут инвалидами, а ещё проще — дураками останутся. Двигаться не будут. Врач сказал — «не исключено».

Она же видела на улице таких инвалидов! Матери катают их в креслах. А у них такие страшные лица... перекошенные рты... дёргаются руки и ноги, и слюна течёт по подбородку...

«Боже мой! Как страшно... Господи, помилуй меня... помилуй их, таких маленьких, таких беспомощных...» — молилась Даша про себя, молилась снова и снова, но облегчения от молитвы не наступало. «Господи... пожалуйста, Господи...»

Даша вышла в коридор, чтобы позвонить мужу.

— Даня, меня выписывают. Да, завтра с утра можешь прийти за мной.

— Как ты себя чувствуешь? — звучал голос Дани из телефонной дали.

— Хорошо.

— А как... они? Ничего тебе не говорили?

— Всё так же. В кюветах лежат.

— Живы?

— Живы.

— Слава Богу, Даша...

— Слава Богу.

— Я приду. Что тебе принести? Какие вещи?

— Что хочешь. Куртку синюю...

— Терпи, милая... Я с тобой. Не плачь...

— Не плачу...

Нет, Даша не винила врачей в том, что произошло. Она никого не винила. Может быть, потому, что плохо переносила свою первую беременность. Болела и в начале беременности, и в конце. Дважды в больнице лежала. Обострились все перенесенные в детстве болезни. Плохо было с почками, отекали ноги, поднималось давление. Вся эта первая её беременность, от самого начала до самого конца, была одним большим и труднопереносимым стрессом.

Все были против их брака с Даней — и её мать, и её бабушка, и его мать. Никто не хотел видеть их вместе. А уж ранние внуки — тем более никому из родителей не были нужны. Ей всего девятнадцать, а ему — двадцать один. Оба студенты — он перешёл на четвёртый, она — только на второй курс. Жить негде и не на что... И вот, в результате — преждевременные роды. Да ещё и двойней! Два мальчика.

Два маленьких мальчика, весом чуть больше полутора килограммов каждый. Они где-то лежат, в отделении для недоношенных. Они лежат в каких-то кюветах, в специальных камерах, где для них поддерживают нужную температуру воздуха, влажность и нужное содержание кислорода... Им вводят в вены лекарства. Их кормили сначала через зонд, а теперь из пипетки...

А на кровати, в роддоме, сидит их молодая мамаша, сцеживает молоко пополам со слезами: «Мальчики мои, миленькие мальчики мои, сыночки мои, простите меня, что я не смогла

вас выносить... Не смогла дать вам всего, что было вам нужно... Помилуй, Господи, сыночков моих... Помилуй, помилуй, помилуй...»

ГЛАВА 2

Они не тратились на такси. Даня, правда, хотел, но Даша ему не позволила.

— Не надо, — сказала она. — Мне даже полезно будет пройтись. Нет, правда! Врач так и сказала: «Гулять и кушать хорошо! Чтобы молоко сохранить».

Даша зарылась лицом в букет осенних астр, принесённый мужем.

«Без детей... Выписываюсь — без детей... А он принёс букет... Как я люблю его...»

Они пошли «домой» пешком. От роддома до того места, где они жили, в «большой» проходной комнате двухкомнатной квартиры Дашиной бабушки, было всего четыре автобусные остановки.

Погода благоприятствовала. На улице стояло бабье лето. Поздний сентябрь, осыпающий золотую листву. В природе на какое-то мгновение установилась чуткая, таинственная тишина. Минута молчания по опадающей листве. По лету, по цветению... Именно — минута. Минута надежды на последующую весну, на следующее лето, на новое цветение. Хорошо!

Они шли по золотой улице, держась за руки. Потом он обнял её...

— Слава Богу! — сказал он. — Ты жива.

— Они там... — сказала она.

— На всё воля Божья. Ты же сама меня учила! Не сомневайся теперь!

— Мне так их жаль... мне так жаль... они там одни... бедненькие... маленькие... Мне кажется, я перед ними виновата... Что я их выносить нормально не смогла...

— Вина — пополам, — сказал он. — Двое — одна плоть.

— Как больно, — сказала она. — Как страшно...

— Поплачь.

— Не могу...

— Тогда молись.

— Молюсь.

— И я...

Двое шли по золотой улице под золотым дождём опадающих листьев. Он — высокий, широкоплечий. Она — тоненькая, как тростинка. После родов осталась такой же тоненькой, как была. Их можно было принять за влюблённых. Собственно, так оно и было. Просто их влюблённость вступала в новую стадию, в новое качество, превращающее парня и девушку в мужа и жену.

Только вчера они бегали на свидания, болтали и целовались, упивались первой душевной и телесной близостью — и вот они уже вынуждены думать не только о себе, но и о своём продолжении. О своих детях. О крыше над головой, о насущном хлебе. А ведь они ещё так молоды! Ей девятнадцать, а ему двадцать один. Жить негде, средств к существованию — практически нет.

Родители были против их брака и против того, чтобы у них родились дети. И вот теперь,

когда дети уже родились, — ничего не изменилось. Спасибо, бабушка пустила пожить после свадьбы.

Впрочем, кое-кому из родителей было всё равно, что происходит с их взрослыми детьми. А дальше — как им жить? А дальше-то — что им делать?

— Что мы будем дальше делать? — спросила она.

— Ну, кое-что я уже сделал, — ответил он.

— Что?

— Перевёлся на вечерний.

— Даня!

— Мать сказала, что ни копейки не даст. У неё нет. Она сама недавно замуж вышла. К отцу, правда, я не ходил. И не хочу я к нему на поклон идти. Буду сам зарабатывать... на всех нас.

— Даня... ты только не бросай институт! Тебе же осталось два года!

— Я не бросил, я на вечерний.

— А если они не выживут? А ты уже перевёлся...

— Они выживут! Выживут, слышишь!

— А мне надо быстрее академический отпуск оформить, пока мальчиков наших не выписали, — сказала она.

— А если они не выживут? А ты оформишь отпуск?

— Они выживут... Они выживут...

Несколько слов от автора

Как волнуется беременная женщина, вынашивая ребёнка! Волнуются и будущая мать, и будущий отец. Кто там, в утробе? Девочка или мальчик? Нормальный ли, не урод? Не больной ли чем-то неизлечимым, страшным? Сейчас, конечно, родителям легче. Есть УЗИ, есть генетические консультации. Но риск остаётся. Риск повышается, если в утробе двойня.

Нет ничего хорошего и в том, что ребёнок рождается недоношенным. Значит, организм матери не в силах справиться с беременностью. А ведь дети рождаются незрелыми, иногда неприспособленными к тому, чтобы дышать, чтобы есть... чтобы жить наконец.

А известно ли моему дорогому читателю, что дети с поражениями нервной системы в той или другой степени сейчас рождаются примерно в семидесяти-восемидесяти процентах из всех новорождённых?

И большую часть из этих поражений занимает серьёзная патология, требующая тщательного и последовательного лечения. Особенно этим страдают недоношенные дети. Приводить статистические данные не входит в задачу моей повести. Здоровый новорождённый — большая редкость, поверьте мне. Поверьте мне ещё и в том, что великая мудрость Господня по-прежнему безгранична, и доброта Его к нам, людям, и Его человеколюбие — по-прежнему с нами.

Да, дети растут, дети выправляются, даже если родители у них — неверующие люди. Милость Господня — она для всех, кто приходит в этот мир. Но если родители веруют... Если родители молятся о своих детях — иногда случаются поистине чудеса и выправляются недоношенные и глубоко недоношенные (те, что родились меньше килограмма весом). Выправляются дети из двоен, из троен. Выправляются дети с врождёнными аномалиями лёгких, пищевода, почек, сердца. Правда, родителям иногда приходится прикладывать к этому много сил, и духовных, и физических. Иногда приходится тратить все сбережения семьи и влезать в долги. А врачи — они лечат, они оперируют, они наблюдают... Врачи, как и родители, надеются, радуются выздоровлению маленьких пациентов и удивляются, если результат превосходит наши ожидания.

Но надо помнить и о том, что всегда остаётся некий процент детей, которые не выздоравливают. Детский церебральный паралич, слабоумие, слепота, глухота... Инвалидное кресло, интернат для глухих, для слепых, для слабоумных...

Помилуй нас, Господи. Помилуй нас, грешных! Благодаря Твоей милости наш человеческий род ещё продолжается...

ГЛАВА 3

«Они выживут... они выживут...» — шептала сама себе Даша, Дарья Александровна, сцеживая молоко, чтобы сохранить его для детей.

«Они выживут... они выживут...» — шептал про себя Даня, Даниил Иванович, подыскивая себе в газете подходящую работу.

«Боже, сохрани их... спаси и сохрани деток моих», — молились они оба, и Даша, и Даня. Дети не были ещё крещены. Нельзя было молиться за них в церкви. Ни написать записочки на Литургию, ни подать на молебен. Батюшка Владимир, правда, обещал, что тоже будет за них молиться. Дома, в своей домашней молитве. Больше просить было некого. В церковь пришли, только когда к бабушке переехали. Близких церковных знакомых завести не успели.

А родители-то все неверующие. И с той, и с другой стороны. Даже бабушка — и та крутила пальцем у виска и называла Дашу сумасшедшей, когда речь заходила о церкви.

— Меня с детства учили, Бога нет! — говорила бабушка.

— Бабушка, миленькая! Ты же всю жизнь прожила! Неужели не чувствуешь, что Бог есть?

Даша любила бабушку. Бабушка вырастила её, пока мама устраивала свою личную жизнь.

— Нет, ну что-то там, на небесах, конечно, есть, — говорила бабушка, показывая пальцем в потолок. — Что-то, там есть... Меня крестили в детстве... Но в церковь ходить... Ты же молодая ещё, Дашка! Откуда в тебе это взялось?

— Так это же хорошо, что молодая! Это Бог меня к себе позвал, прямо смолоду!

— Ну, что молодая — это точно хорошо! — вздыхала бабушка. — А вот всё остальное... Не знаю я... не знаю...

— Бабушка! Неужели у нас в роду верующих не было?

— Как — не было? Моя мать, Царство ей Небесное, всё молилась. Тайком, конечно. Деда моего, её отца, раскулачили и сослали вместе с бабкой. А всего-то добра и было, что лошадёнка! Зато дед был церковным старостой. И детей было девять душ. Как бабку с дедом сослали — дети сиротами остались. Четверо умерли. А моя мать в Москву подалась. Там работала, в общежитии жила; там и замуж вышла. Отец мой на войне погиб. Это ты знаешь. Из его родни я никого не видела — сирота он был, беспризорник перевоспитанный. А каких кровей, какого роду-племени — только Бог знает.

— Видишь, и церковный староста у нас был в роду, и прабабушка моя молилась.

— Так то когда было!

Нет, не могла Даша её переубедить.

Она любила бабушку. Первым Дашиным детским воспоминанием была именно бабушка. Бабушка склонялась над постелью во время её болезни. От бабушки пахло пирожками, чаем с малиной и ещё чем-то таким неуловимым, таким близким и родным...

Даша тогда тяжело болела. После простуды началось осложнение на почки. Только мать спохватилась не сразу. Даша пролежала с высокой температурой почти неделю, до тех пор пока не приехала бабушка и не вызвала врача. Потом сдавали анализы и прошло ещё несколько дней. Когда Дашу везли на «скорой помощи» в больницу, она начала терять сознание.

— Еле довели тебя, — рассказывала потом бабушка. — Врачи сказали — ещё немного, и ты могла умереть.

Но Даша этого не помнила. Помнила только, что ей было плохо, а бабушка, пахнущая пирожками, склонялась над её постелью.

Вторым детским воспоминанием Даши был страх. Мама ругалась с бабушкой, а Даше было страшно. И за маму, и за бабушку, и за себя. А ещё ей было страшно, когда к ним домой приходили незнакомые люди, чаще всего — мужчины. Мужчины сидели на кухне, пили водку, громко разговаривали, ругались. Даша лежала на своём диванчике и закрывалась одеялом с головой. Ей было страшно... очень страшно...

Бабушка приходила часто и ругалась с мамой.

— Что ты делаешь! Что ты всё шляешься! Ребёнок заброшен! Даже из детсада девочку не забрала! Мужиков водишь! Толку-то с них, с твоих мужиков! Хоть бы копейку в дом приносили! — примерно так кричала бабушка.

Потом она кричала иначе:

— За ребёнком не смотришь! Форму не купила! Портфеля нет! Дитё голодное! Сколько можно шляться! В кого ты превратилась! В девку! В девку уличную! В пьянь подзаборную! И когда же ты нагуляешься!

А мама — раскрашенная, в короткой юбке, зажав сигарету в зубах, отвечала бабушке примерно одно и то же:

— Отстань, ма! Надоела, отстань! Что ты ко мне пристала с этой Дашкой! Да что ей делается! Вон, макароны сварены, уже три дня стоят!

И вообще, не мешай мне! Мне надо устраивать личную жизнь!

Мать говорила про свою личную жизнь, пересыпая свою речь некрасивыми и непонятными словами. Потом уже маленькая Даша разобралась, что это за слова.

Бабушка окончательно поругалась с мамой и забрала Дашу из однокомнатной маминой квартиры. Сначала забрала к себе, а потом определила в школу-интернат.

Там, в интернате, в первом классе, Даша и поняла, что это за непонятные слова, которыми ругалась мать. В интернате почти все дети их произносили, и очень часто. А она, Дашка, всё никак не могла их произнести. Язык не поворачивался. Как только начинала говорить «плохое» слово, так видела перед глазами мать... с лицом некрасивым, опухшим, размазанным.

«Плохое» слово застревало в глотке... хотелось кашлять и плакать... кашлять и плакать...

Плохо было в интернате маленькой Даше. Так и не смогла она привыкнуть ни к режиму, ни к столовой, ни к общему туалету. Не могла привыкнуть к грубости воспитателей и к грубости детей. Не научилась ругаться, не научилась драться.

Закончила первый класс на пятёрки, второй — на четвёрки, а в третьем начала болеть. Простуда следовала за простудой. Лежала в изоляторе, лежала в больнице. Даже больную — мать не забирала Дашу домой. Иногда, правда, её забирала бабушка. Но бабушка ещё

Содержание

<i>Татьяна Шипошина</i> СЕМЬ СТУПЕНЕК ЛЮБВИ. Повесть	3
<i>Протоиерей Александр Ильяшенко</i> БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ — БОЛЬШИЕ НАДЕЖДЫ	123
АКАФИСТ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЕ ПРЕД ИКОНОЮ ЕЯ «В РОДАХ ПОМОЩНИЦА»	159

Протоиерей Александр Ильяшенко
Шипошина Татьяна Владимировна
С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ СЧАСТЬЕ

Заведующая редакцией *Т. Тарасова*
Редактор *О. Бачурина*
Редактор богослужебных текстов *Л. Медведева*
Технический редактор *З. Кондрашова*
Корректоры *Е. Пятаева, Е. Рипс, Т. Четвергова*
Верстка *Е. Воронова*
Фотограф *С. Титов*

Подписано в печать 29.05.2008.
Формат 84x108 1/32. Объем 5,5 п. л.
Печать офсетная. Тираж 15 000 экз. Заказ №

Издательский Совет Русской Православной Церкви.
119435, Москва, Погодинская ул., 20, корп. 2

Оптовый отдел реализации: (495) 246-20-85, 246-52-08
Магазин: (495) 245-30-68